

Рец. на кн.: СЕРГЕЙ УШАКИН, АЛЕКСЕЙ ГОЛУБЕВ (РЕД.).
**XX ВЕК: ПИСЬМА ВОЙНЫ.
АНТОЛОГИЯ ВОЕННОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ.**
М.: Новое литературное обозрение, 2016. 832 с.
Федор Владимирович Николаи

Мининский университет
1 ул. Ульянова, Нижний Новгород, Россия
fvnik@list.ru

Аннотация: Рецензия посвящена антологии военной корреспонденции «XX век: письма войны», изданной под редакцией С. Ушакина и А. Голубева и включающей как письма российских / советских солдат и офицеров (начиная с Англо-бурской войны и заканчивая конфликтом на Северном Кавказе), так и аналитические статьи, разбирающие проблематику фронтовой повседневности. В центре внимания рецензента — теоретическая концепция авторов и редакторов сборника, пытающихся соединить структурный анализ эпистолярного нарратива и феноменологическое описание фронтового опыта.

Ключевые слова: фронтовые письма, нарратив, культурная память, аффект, теория практик, тактики субъективации.

Дл я с с ы л о к: Николаи Ф. Рец. на кн.: Сергей Ушакин, Алексей Голубев (ред.). XX век: письма войны. Антология военной корреспонденции. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 832 с. // Антропологический форум. 2018. № 37. С. 233–243.

doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-37-233-243

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/037/nicolai.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2018, NO. 37

**A Review of SERGEY OUSHAKINE, ALEXEY GOLUBEV (EDS.),
XX VEK: PISMA VOYNY. ANTOLOGIYA VOENNOY KORRESPONDENTSII
[20TH CENTURY: WAR LETTERS. ANTHOLOGY
OF WAR CORRESPONDENCE].**
Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 832 pp.

Fyodor Nicolai

Minin University
1 Ulyanova Str., Nizhny Novgorod, Russia
fvnik@list.ru

Abstract: The review is devoted to the anthology of war correspondence *XX Century: Letters of War* published under the editorship of Sergey Oushakine and Alexey Golubev and including both letters of Russian / Soviet soldiers and officers (from the Boer War to the conflict in the North Caucasus) and analytical articles that deal with the problems of front-line everyday life. The theoretical concept of the authors and editors of the collection is trying to combine the structural analysis of the epistolary narrative and the phenomenological description of the tactics of subjectivation of war experience.

Key words: war letters, narrative, cultural memory, affect, theory of practices, tactics of subjectivation.

To cite: Nicolai F., 'A Review of Sergey Oushakine, Alexey Golubev (eds.), XX vek: pisma voyny. Antologiya voennoy korrespondentsii [20th Century: War Letters. Anthology of War Correspondence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 832 pp.', *Antropologicheskij forum*, 2018, no. 37, pp. 233–243.

doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-37-233-243

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/037/nicolai.pdf>

Рец. на кн.: **Сергей Ушакин, Алексей Голубев (ред.).**

XX век: письма войны. Антология военной корреспонденции. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 832 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)

Рецензия посвящена антологии военной корреспонденции «XX век: письма войны», изданной под редакцией С. Ушакина и А. Голубева и включающей как письма российских / советских солдат и офицеров (начиная с Англо-бурской войны и заканчивая конфликтом на Северном Кавказе), так и аналитические статьи, разбирающие проблематику фронтовой повседневности. В центре внимания рецензента — теоретическая концепция авторов и редакторов сборника, пытающихся соединить структурный анализ эпистолярного нарратива и феноменологическое описание фронтового опыта.

Ключевые слова: фронтовые письма, нарратив, культурная память, аффект, теория практик, тактики субъективации.

«Документальная история» часто характеризуется двумя прямо противоположными тенденциями: позволить источникам «говорить самим» или сопроводить публикацию до занудности исчерпывающим источниковедческим комментарием. Первая линия характерна для большинства изданных к настоящему времени сборников фронтовых писем, чаще всего включающих только материалы Второй мировой войны [Дьячков 2005; Ешан, Пудалова 2015; и др.]. Вторая — для аналитических работ, посвященных эпистолярному жанру (их историографический обзор требует отдельного разговора [Иванов 2009], который выходит за рамки короткой рецензии).

На этом фоне антология «Письма войны» под редакцией С. Ушакина и А. Голубева обладает несколькими очевидными достоинствами. Во-первых, она включает письма российских и советских военнослужащих, участвовавших в разных войнах XX в. — Англо-бурской, Русско-японской, Первой мировой, Второй мировой, Афганской и Чеченских кампаниях, что позволяет их *сравнивать*. Во-вторых, сборник содержит не только письма, выступающие свидетельствами повседневной («постгероической») стороны войны, но и аналитические статьи,

которые намечают несколько перспективных векторов анализа их «(экстра)ординарности», размывающей четкие границы между чрезвычайным и обыденным [Wool 2015]. Военная корреспонденция оказывается здесь не просто проекцией формируемого идеологией «боевого духа» [Маркевич 2002; Агапов 2015] или дополнением к традиционной событийной военной истории, в рамках которой эмоциональность и субъективность писем традиционно «мешают» «беспристрастному» исследователю [Казаковцев 2006: 122]. С одной стороны, она определяется специфической *структурой эпистолярного нарратива*, а с другой — *субъективными тактиками выражения* военного опыта.

Поэтому первая, аналитическая, стратегия, которой следуют авторы сборника, обращается к *символическому кодированию* фронтового опыта через использование общепринятых нарративных шаблонов и клише. Как отмечают редакторы в своем предисловии «Экс-позиция письма: о правилах чтения чужой переписки», «одновременно оттиск и матрица социальных отношений, письмо — это наглядный пример структурирующей структуры: социальные связи здесь сохраняются и модифицируются в процессе (вос)производства форм и формул эпистолярного жанра» (С. 9). С этой точки зрения фронтовые письма оказываются нормализацией военного опыта — они переводят реальность войны на привычный мирный язык, превращают экстраординарное в повседневное.

Вторая, «постструктуралистская», линия анализа обращена к тактикам субъективного выживания в условиях кризиса прежних социальных структур и хронического сбоя привычной стратегии существования. Этот сбой вызывает постоянные паузы, умолчания, лакуны и нестыковки смысла в письмах, разрыв символических шаблонов. Подобные лакуны и нестыковки оказываются выражением *аффекта*: не укладывающейся в привычные эмоциональные режимы интенсивности физических ощущений, выплескивающейся в письмах, несмотря на все их стремление к нормализации.

На стыке этих силовых полей образуется напряжение, разрешаемое в процессе как осознанного, так и неосознанного субъективного выбора, который совершает каждый из авторов фронтовых писем. Большинство статей сборника делают акцент на культурном кодировании эмоций, которое происходит в ходе *интерпелляции* — оклика субъекта со стороны государственных органов и ответов на этот оклик. Как отмечает Йохен Хелльбек, автор одной из наиболее интересных статей сборника, «[о]сновополагающим элементом формовки солдатского “Я” была эмоциональная составляющая, а именно воспитание

чувства глубокой любви к Родине и крайней ненависти к немецким захватчикам. <...> Мобилизация сил на борьбу была важнейшим моральным императивом советских людей во время войны, безоговорочно принятым большинством авторов, чьи произведения составляют данный раздел. Их работы служили целям мобилизации, а мобилизация в ответ способствовала признанию новых форм осознания и выражения своего “я”. Самовыражение становилось здесь ключевым фактором: “фронтовик”, “сталинградец” или “ленинградка” в равной степени имели значение активных борцов на одном из многочисленных фронтов войны, граждан, не отступивших перед самыми серьезными испытаниями военного времени» (С. 416–418).

Аналогичным образом Ольга Никонова в статье «Гнев, ужас, злоба: о хронологии и социографии военной ненависти» рассматривает рост ненависти к врагу в ходе войны: «Важнейшую роль в “научении”, в появлении чувства ненависти и злобы по отношению к противнику сыграли “тотализация” и медиализация войны» (С. 542). Елена Рождественская в схожем ключе анализирует метафору войны как «работы», которая, с одной стороны, навязывается государственной пропагандой, а с другой — становится способом нормализации хаоса войны для многих ее отдельных участников.

Впрочем, такое пересечение смыслов оказывается всегда неустойчивым и трудным для интерпретации. «По этим событиям ты можешь представить конечно в общем и мою жизнь и деятельность. Многое о ней не скажешь. Наша жизнь целиком и полностью подчинена войне. Война стала нашей профессией, более того нашей жизнью. А жизнь эта боле чем кому, тебе известна. Бесперывные и тяжелые бои с временными и очень короткими передышками, большие походы и к тому же в условиях непогоды — вот содержание моей жизни. К этому можно еще добавить — большую и постоянную напряженность в работе. Работаю очень много» (С. 87) — пишет капитан Михаил Савченко своему брату Николаю. Определяет ли это высказывание «идеологический оклик» сверху, попытка нормализации и закрепления своего социального статуса или практики обыденной речи? Или его можно трактовать как дисциплинаризацию боли в духе Е. Скарри [Scarry 1985]? Возможно, нет смысла противопоставлять эти составляющие — тактики субъективации пытаются состыковать эти смыслы, гибко использовать и модифицировать сложившийся набор клише для конкретной ситуации. Как отмечает Ирина Сандомирская в вводной статье к разделу «Утраты войны», «[г]лубоко личные чувства, адресованные также глубоко лично и по глубоко личным мотивам, тоже пишутся по дискурсивным

лекалам. <...> Сложные экзистенциальные движения выражены не менее штампообразно, чем клише официального похоронного извещения» (С. 781). Важно само включение в текст именно этой фразы (например, очень емкие показатели времени и места — «еще» и «уже», «тут» и «там»), а также ее связь с аффектами вокруг. Возможно, именно поэтому не все авторы сборника разделяют понятия эмоций и аффекта, которые в теоретических исследованиях принято скорее разводить [Ямпольская 2013; Кобылин 2017]. Например, Полина Барскова в статье «“В этом смертном мире пусть мы будем сыты”»: военные письма о голоде и сытости» фактически уравнивает их: «Когда речь здесь идет о еде, речь на самом деле идет о любви, безумии, стыде и страхе — все эти сложные, исторически обусловленные аффекты реализуются в кусочек эрзац-хлеба» (С. 357).

В данном контексте очень интересной представляется статья Елены Гаповой, посвященная включению писем в ряд материальных и символических обменов денежными переводами, посылками, открытками, новостями. «В этих повседневных эпистолярных обменах деньги служат средством “материализации” отношений между людьми <...> — родственных связей и отношений заботы» (С. 109–110). Взаимный обмен заботой предполагает стандартизацию (и считываемость) символических форм. Аналогичным образом Мария Литовская рассматривает романтические эмоциональные связи, вынужденно кодированные при переводе из устной речи в письменную форму: «Живое чувство бьется в этом тексте внутри нагромождения слов. Женщина не может расплакаться, покричать, отвернуться, поглядеть в глаза — муж далеко, а словесно выразить свои противоречивые эмоции — да еще и на письме — она не очень умеет. Вот и мечется бедная от “шлю я тебе свой пламенный привет” до “пиши ответ сразу, если считаешь женой, а все же буду ждать ответ с нетерпением”. Ее письмо на первый взгляд выглядит как записанная с большим количеством ошибок устная речь. Но этой речи явно придавалась упорядоченность письменного текста с помощью регуляторов-маркеров письма как жанра, представления о котором у автора сформированы в обществе, где до недавнего времени разлука — из-за неграмотности разлученных — если и предполагала переписку, то через посредника. Сам же текст содержал этикетные зачины и финалы, которые, во-первых, помогали заполнить тело письма, а во-вторых, предлагали готовый язык для сдержанного, но адекватно считываемого адресатом обозначения чувств адресанта» (С. 637).

Автор письма всегда оказывается ограничен цензурой, канонами и стандартными клише. Но, повторяя нормативные акты

высказываний, ритуализированно воспроизводя существующие символические рамки и выстраивая из них бриколаж, он придает форму своему «я». Так на стыке аффектов и символически кодированных эмоций, идеологического оклика сверху и поиска подходящих моделей самоидентификации снизу, конвенциональных семейных рамок и мобильных практик товарищеских отношений формируется полифония фронтовых писем, к которой редакторы сборника относятся предельно бережно и осторожно: «Не перебивать эти голоса, а, наоборот, создать условия, способствующие их наиболее полноценному звучанию» (С. 20).

Разумеется, формат антологии предполагает ограниченное количество разделов, поэтому ряд возможных сюжетов и тем оказался за рамками издания. В частности, нет отдельного блока материалов о фотографиях и рисунках, которые солдаты посылают домой, а иллюстрации носят случайный характер. Несколько разделов сборника затрагивают сюжеты, связанные с телом солдата, но не хватает отдельной статьи о телесных практиках на фронте — от поцелуев в письмах [Казаковцев 2006: 128] до описаний боли и ранений [Bourke 2014], которая была бы, несомненно, интересна читателю. Траншейное искусство (стихи, которые пишут солдаты), влияние письмовников (специальных руководств и собраний образцов для переписки) конца XIX — начала XX в., распространенная метафорика «фронтового братства», суеверия, приметы, а также формы солдатской религиозности, функция иронии в письмах и их использование в современной политике памяти (от официального патриотического воспитания до легитимации своей правозащитной активности комитетами солдатских матерей), национальные отношения и отличия писем на разных языках народов СССР [Shaw 2016] — эти и другие сюжеты могли бы составить второй том антологии.

Особенно интересен в данной связи вопрос о *коллективных практиках* письма. В интервью с ветеранами локальных войн встречаются неожиданные свидетельства по этому поводу¹. Игорь (военный психолог, старший лейтенант, Чечня, 1999–2000): «Я от солдат прямо требовал родителям писать, чтобы те не беспокоились. Многие говорили: “А что писать? Мы не умеем”. Тогда я сажал весь взвод, диктовал им первые два абзаца, а потом уж они сами дописывали что-нибудь от себя» (интер-

¹ В 2013–2018 гг. мною было собрано около 70 полуформализованных интервью с ветеранами локальных военных конфликтов по проекту «Устная история и память о локальных конфликтах в России». Интервью хранятся в цифровом архиве лаборатории «Исследования культурной памяти и историческая антропология» Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина.

вью 22.03.2017). Дмитрий (рядовой, Чечня, 2000–2004): «Ко мне многие ребята подходили: “Ты в университете учился. Напиши за меня девчонке, чтобы покрасивее было”. Родителям же обычно писали, что все в порядке, а девушкам надо что-то с намеком на героическое, чтобы эмоции были» (интервью 5.02.2017). Константин (подполковник, Афганистан, 1983–1985): «Бывало, командир вызывал меня, замполита: “Ну-ка вызови вот этого чудака и вставь ему по первое число: как так, два месяца матери не пишет, она там с ума сходит”. После этого вызываешь солдата и говоришь все, что о нем думаешь. И пока не напишет, не заклеит письмо — до тех пор не отпускаешь. Это тоже входило в обязанности замполита» (интервью 16.03.2017). Тактики субъективного выражения, интерpellация сверху и стратегии (коллективного) выживания оказываются здесь неразрывно взаимосвязаны. Письмо выступает действием коллективным и не совсем добровольным — оно предполагает соответствие определенному нормативному канону или фрейму взаимодействия.

Авторы сборника отмечают важные отличия писем Второй мировой и локальных войн. Участники последних часто скрывали от родных правду: «Если мои родичи узнают, они с ума сойдут, я им еще не писал, и писать не собираюсь ничего этого» (из письма В. Бадма-Горяева, с. 236); «Из дома писем что-то долго нет. Да и писать домой не хочется. Пишешь одно и то же: “Жив, здоров и т.д. и т.п.”» (С. 241). Однако тактики такой «заботы о близких» могут отличаться. Одни вообще не пишут домой. Борис (прапорщик, Чечня, 1995, 1999–2000): «Я вообще матери не писал. А зачем ее расстраивать? Будет письмо — это же лишний повод волноваться. А так она знает, что я где-то служу, бегаю там, и через какое-то время приеду» (интервью 22.03.2017). Другие просто умалчивают о войне. Валера (сержант, Чечня, 1995): «Я когда в Чечню уезжал, оставил товарищу пачку писем родителям, чтобы он их каждые 2–3 недели из Москвы отсылал» (интервью 18.04.2016). Третьи создают некое воображаемое пространство службы. Александр (сержант, Афганистан, 1983–1985): «Я родителям писал, что служу в Германии. Там сосед служил, вот я его рассказы и пересказывал, ну и додумывал что-то свое» (интервью 8.12.2016). Подобные умолчания не связаны с тем, что солдат «не имеет возможности рассказывать о реальных событиях», как указывает Елена Гапова (С. 111). Скорее, письма разным адресатам используют несовпадающие стратегии письма. По отношению к родителям они максимально конвенциональны (призваны «успокоить»), а по отношению к девушкам и друзьям могут включать открытые социальные вопросы, содержать провокацию для «проверки чувств» или экспериментировать с возможностями аудио-

и видеомедиумов («звуковые письма» под гитару, записанные на кассету и т.д.). Общей задачей писем, как уже отмечалось выше, становится превращение экстраординарности войны в привычное или повседневное, но это не значит, что подобная нормализация идет всегда одинаково. Возникают разные режимы контроля эмоций или кодирования аффекта. И письма родителям выступают лишь одним из векторов нормализации, правда, наиболее востребованным «авторитетным дискурсом» (замполитами и военными психологами) именно как максимально конвенциональный и пассивный — конвертирующий чувства в фатализм и внешнее спокойствие («мужество»). Однако такая стратегия не исключает иные режимы артикуляции эмоций, которые чаще всего находят выражение в письмах друзьям и любимым.

В этой связи жаль, что вводные статьи к разделам сборника лишь косвенно связаны между собой и редко включают систематические сравнения, в частности любви сыновней («Мать военнообязанного») и романтической («Романы войны»). Это касается и различий корреспонденции разных социальных групп (крестьян, дворян, разночинцев в начале XX в.), солдат и офицеров, горожан и сельских жителей, а также мужских и женских писем. Интересен был бы и поиск параллелей с корреспонденцией британских, немецких или американских солдат — насколько отличались их стратегии субъективации? Например, любопытным может стать сравнение романтической переписки фронтовиков с неизвестными девушками, использующей комсомольскую риторику в СССР и религиозную в США [Litoff, Smith 1992]. В этом смысле структуралистская редукция контекста, изначально постулированная авторами («общие, структурные и символические, контексты, в которых формировалась военная корреспонденция XX в., оставались на удивление постоянными» — с. 10), с одной стороны, многое дает, но, с другой, затеняет ряд важных различий в тактиках субъективации.

Единственным очевидным недостатком рецензируемого издания представляется исключение писем Гражданской войны, которое никак не объясняется редакторами сборника. Любопытно, что и в письмах солдат Второй мировой революционная риторика или отсылки к Гражданской войне почти не встречаются. Почему первое советское поколение исключило ее из своих писем? Этот вопрос представляется весьма важным, поскольку, как справедливо отмечает Д. Лангевитше, после 1945 г. гражданские войны явно преобладают над межгосударственными конфликтами [Лангевитше 2001]. И накладывать модель описания последних (в частности, мировых войн) на локальные конфликты представляется не всегда перспективным.

Кроме того, ряд формулировок оказываются излишне прямолинейными и потому не очень удачными. Например, тезис Елены Барабан: «Проявления патриотизма, присущие авторам ряда представленных в разделе писем времен Великой Отечественной войны, полностью отсутствуют в письмах, написанных с других войн: Первой мировой, Афганской, Чеченской» (С. 752) — превращает важное сравнение в не очень корректное клише.

В заключение представляется важным затронуть вопрос, почему фронтовые письма сегодня привлекают внимание значительного круга исследователей и самой широкой аудитории. Прежде всего, со смертью своих адресатов и авторов они переходят из частных архивов в публичное пространство памяти, в центре которой в России находится именно Великая Отечественная война. Письма позволяют (казалось бы) легко связать историю семьи и «большую историю», исчезновение которой провоцирует сегодня столь сильную ностальгию, эксплуатируемую государственной политикой памяти. Как справедливо отмечают Е. Здравомыслова и О. Ткач, выстраивание такой линейной связи опасно, с одной стороны, приватизацией «символического капитала» коллективной памяти в частных (корыстных) интересах, а с другой — созданием мифологизированных макропроекций, искажающих пространство публичной сферы [Здравомыслова, Ткач 2004]. Общие вопросы все чаще репрезентируются через приватные (семейные) сюжеты, лишь косвенно связанные между собой. Возникает своего рода двойная метонимическая связь: письма (адресованные членам семьи) воплощают в себе всю войну, а феноменология аффектов и ощущений комбатантов оказывается важнее их аналитики и проработки. В этом контексте рецензируемый сборник важен тем, что позволяет работать со свидетельствами прошлого в разных регистрах: он не только задает векторы для феноменологического описания, но и подталкивает к систематическим сравнениям, саморефлексии и более тонкой работе с памятью. Как менялись конфигурации этического и аффективного измерения памяти в XX в.? Как соотносятся между собой конвенциональные семейные рамки и гетерогенные практики солидарности (в том числе фронтового товарищества)? Как работают современные стратегии коммеморации? «Письма войны» могут стать своего рода «моделью для сборки» при ответе на эти и другие предельно актуальные сегодня вопросы.

Библиография

- Агапов В.Л.* Солдатские письма с фронта Первой мировой войны в дальневосточных газетах 1914–1915 гг. // Россия и АТР. 2015. № 4. С. 169–181.
- Дьячков В.Л.* (отв. сост.). Письма Великой Отечественной. Тамбов: Пролетарский светоч, 2005. 631 с.
- Ешан Е.Э., Пудалова А.П.* (сост.). «Здравствуйте, дорогие мои...» (фронтовые письма 1941–1945 гг.). Н. Новгород: ЦАНО, 2015. 588 с.
- Здравомыслова Е., Ткач О.* Генеалогический поиск в современной России: реабилитация «истории» через семейную «память» // Ab Imperio. 2004. № 3. С. 383–407.
- Иванов А.Ю.* Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник: Дис. ... к.и.н. Казань, 2009. 249 с.
- Казаковцев С.В.* Отражение Первой мировой войны во фронтовых письмах ее вятских участников // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2006. № 6. С. 122–131.
- Кобылин И.И.* «Автономия аффекта»: история, становление, биополитика // Диалог со временем. 2017. № 58. С. 25–38.
- Лангевитше Д.* Что такое война? Эволюция феномена войны в новейшее время // Ab Imperio. 2001. № 4. С. 7–28.
- Маркевич А.М.* Солдатские письма в центральные Советы как источник для изучения общественных настроений в армии в 1917 г.: Дис. ... к.и.н. М., 2002. 194 с.
- Ямпольская А.В.* Аффективность как историческое измерение субъекта // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 155–164.
- Bourke J.* The Story of Pain: From Prayer to Painkillers. Oxford: Oxford University Press, 2014. 416 p.
- Litoff J.B., Smith D.C.* “Writing Is Fighting, Too”: The World War II Correspondence of Southern Women // The Georgia Historical Quarterly. 1992. Vol. 76. No. 2. P. 436–458.
- Scarry E.* The Body in Pain: The Making and Unmaking of the World. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1985. 400 p.
- Shaw Ch.* Soldiers’ Letters to Inobatxon and O’g’ulxon Gender and Nationality in the Birth of a Soviet Romantic Culture // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2016. Vol. 17. No. 3. P. 517–552.
- Wool Z.H.* After War: The Weight of Life at Walter Reed. Durham, NC: Duke University Press, 2015. 264 p.

**A Review of Sergey Oushakine, Alexey Golubev (eds.),
XX vek: pisma voyny. Antologiya voennoy korrespondentsii
[20th Century: War Letters. Anthology of War Correspondence].
Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 832 pp.**

Fyodor Nicolai

Minin University

1 Ulyanova Str., Nizhny Novgorod, Russia

fvník@list.ru

The review is devoted to the anthology of war correspondence *XX Century: Letters of War* published under the editorship of Sergey Oushakine and Alexey Golubev and including both letters of Russian / Soviet soldiers and officers (from the Boer War to the conflict in the North Caucasus) and analytical articles that deal with the problems of front-line everyday life. The theoretical concept of the authors and editors of the collection is trying to combine the structural analysis of the epistolary narrative and the phenomenological description of the tactics of subjectivation of war experience.

Keywords: war letters, narrative, cultural memory, affect, theory of practices, tactics of subjectivation.

References

- Agapov V. L., ‘Soldatskie pisma s fronta Pervoy mirovoy voyny v dalnevostochnykh gazetakh 1914–1915 gg.’ [Soldier’s Letters of the First World War in the Far Eastern Newspapers of 1914–1915], *Rossiya i ATR*, 2015, no. 4, pp. 169–181. (In Russian).
- Bourke J., *The Story of Pain: From Prayer to Painkillers*. Oxford: Oxford University Press, 2014, 416 pp.
- Dyachkov V. L. (comp.), *Pisma Velikoy Otechestvennoy* [Letters of the Second World War]. Tambov: Proletarskiy svetoch, 2005, 631 pp. (In Russian).
- Eshan E. E., Pudalova A. P. (comps.), “‘Zdravstvuyte, dorigie moi...’ (frontovye pisma 1941–1945 gg.)” [“Hello, My Dear...” (War Letters of 1941–1945)]. N. Novgorod: Central Archives of the Nizhny Novgorod Region, 2015, 588 pp. (In Russian).
- Ivanov A. Yu., ‘Frontovye pisma uchastnikov Velikoy Otechestvennoy voyny kak istoricheskiy istochnik’ [Front Letters of the Great Patriotic War as a Historical Source]: PhD Diss. Kazan, 2009, 249 pp. (In Russian).
- Kazakovtsev S. V., ‘Otrazhenie Pervoy mirovoy voyny vo frontovykh pismakh ee vyatskikh uchastnikov’ [Representation of the First World War in the Letters of Its Vyatka Participants], *Vestnik*

- Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2006, no. 6, pp. 122–131. (In Russian).
- Kobylin I. I., “‘Avtonomiya affekta’: istoriya, stanovlenie, biopolitika’ [‘Autonomy of Affect’: History, Formation, Biopolitics], *Dialog so vremenem*, 2017, no. 58, pp. 25–38. (In Russian).
- Langevishe D., ‘Chto takoe vojna? Evolyutsiya fenomena voyny v noveyшее vremya’ [What is War? Evolution of War Phenomenon in Modern Times], *Ab Imperio*, 2001, no. 4, pp. 7–28. (In Russian).
- Litoff J. B., Smith D. C., “‘Writing Is Fighting, Too’: The World War II Correspondence of Southern Women’, *The Georgia Historical Quarterly*, 1992, vol. 76, no. 2, pp. 436–458.
- Markevich A. M., Soldatskie pisma v tsentralnye Sovety kak istochnik dlya izucheniya obshchestvennykh nastroyeniy v armii v 1917 g. [Soldier’s Letters to the Central Soviets as a Source for Studying of Public Feelings in the Army 1917]: PhD Diss. Moscow, 2002, 194 pp. (In Russian).
- Scarry E., *The Body in Pain: The Making and Unmaking of the World*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1985, 400 pp.
- Shaw Ch., ‘Soldiers’ Letters to Inobatxon and O’g’ulxon Gender and Nationality in the Birth of a Soviet Romantic Culture’, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2016, vol. 17, no. 3, pp. 517–552.
- Wool Z. H., *After War: The Weight of Life at Walter Reed*. Durham, NC: Duke University Press, 2015, 264 pp.
- Yampolskaya A. V., ‘Affektivnost kak istoricheskoe izmerenie subyekta’ [Affectivity as a Historical Dimension], *Voprosy filosofii*, 2013, no. 3, pp. 155–164. (In Russian).
- Zdravomyslova E., Tkach O., ‘Genealogicheskiy poisk v sovremennoy Rossii: rehabilitatsiya “istorii” cherez semeynuyu “pamyat”’ [Genealogical Search in Contemporary Russia: Rehabilitation of “History” through Family “Memory”], *Ab Imperio*, 2004, no. 3, pp. 383–407. (In Russian).